

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

И. М. САВЕЛЬЕВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В XXI ВЕКЕ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА¹

В статье подводятся первые итоги XXI века для исторической науки. Под углом зрения существования истории в поле старых и новых социальных дисциплин анализируются новые объекты изучения, развитие понятийного аппарата, основные категории и междисциплинарные альянсы. Как показывает автор, в последние десятилетия стандарты строгого научного изложения, заложенные в 1960-е гг. 'новой научной историей', значительно ослабли, при этом предметное поле исторической науки неимоверно расширилось. Изменилось отношение историков к теоретическим моделям. Снизилась ответственность высказываний, и в результате обычной стала практика волонтаристского объединения разных теорий, концептов и понятий в одном исследовании. Дисциплинарный язык заметно преобразился. Происшедшие изменения объясняются, в том числе, влиянием новых социальных наук, на которые переключилось внимание историков: cultural studies, memory studies, urban studies, media studies, cinema studies, digital studies, семиотика и пр. В результате историческая наука сегодня отражает общие тренды в развитии наук о человеке.

Ключевые слова: теория, сциентизация, дисциплинарный язык, тематика, фрагментация объекта, междисциплинарные альянсы, глобализация истории, социология, новые социальные науки

Дважды два уже четыре, а будет еще лучше (Генрих Ягодзинский)

Последние годы я пытаюсь понять, что произошло с исторической наукой в новом веке, как она преобразилась². Я старалась проследить эти изменения, исследуя разные сегменты современной историографии. Здесь я предполагаю обобщить ряд своих исследований, объединив их вопросом о природе привязанности истории к социальным наукам, и проанализировать новые обстоятельства ее «социальности». Свести воедино и обсудить несколько тем, описывающих состояние нашей дисциплины (понятийный словарь, тематические предпочтения, теоретические новации, междисциплинарные альянсы) придется по необходимости кратко, поэтому вставки, которыми я иллюстрирую свое рассуждение, будут выполнять исключительно функцию примеров. Речь пойдет только о когнитивном компоненте исторической науки, а не о состоянии со-

---

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² Савельева 2012; 2016; Saweliewa 2015. См. также: Eley 2005; Harlaftis 2010; Ретина 2011.

обществ историков разных стран и школ, положении исторической дисциплины в университете и за его стенами, ее социальной значимости, критической функции и прочих институциональных аспектах, хотя понятно, что способ организации сообществ создает атмосферу, влияющую на производство и содержание знаний³.

Социальные и гуманитарные науки

Деление наук о человеке на социальные (social sciences) и гуманитарные (humanities) – явление относительно недавнего времени. Сегодня классификационные системы создаются по прагматическим соображениям: в связи с потребностями университетов, издательств, библиотек, энциклопедий, библиометрических исследований и статейных рейтингов, электронных баз данных и информационных служб. Все такие классификаторы подразделяют науки на три блока – science, social science и humanities⁴ (в шутку знаменитый физик Лев Ландау делил науки на естественные, неестественные и противоестественные). В WoS и Scopus большая часть исторических журналов относятся к блоку humanities, т.е. история опорной ногой твердо стоит в humanities, а вторую ногу только занесла в social science. В университетских классификаторах история чаще относится к социальным дисциплинам. Тем самым, позиция ее и формально, и по существу остается двойственной. Более того, со времени становления истории как научной дисциплины устойчиво присутствует и крайняя точка зрения, согласно которой, история – не наука, а искусство (причем, в значении «осмысление мира в художественных образах», а не liberal arts). Все три позиции представлены как внутри самого исторического сообщества, так и вне его – науковедами, социальными учеными, общественностью.

Однако не так важно, к какой категории причисляется история в современных утилитарных классификаторах. Важно другое. Считается, что гуманитарные науки используют преимущественно критические или спекулятивные методы и нагружены историзмом. Предполагается, что этим они отличаются от социальных наук, которые для познания общества используют инструменты, напоминающие методы *естественных наук*, – преимущественно эмпирические и формализующие. Именно формализацию, т.е. инструментарий исследования, когда упорядоченной социальной реальности соответствует четкая структура дисциплины и алгоритмизированные процедуры, подразумевают чаще всего, когда говорят о сциентизации наук о человеке. Методом таких «сциентизированных» социальных наук может быть что угодно – математика, кибернетика, лингвистика и пр. Важно, что именно формаль-

---

³ Qu'est-ce qu'une discipline? 2006; Lloyd 2009. Применительно к гуманитариям: Steven 2006. P. 15–21; Пост 2011.

⁴ О классификациях подробнее см.: Савельева, Полетаев 1997. С. P. 554–597; Makreel 2010; Савельева 2015.

ные методы считаются основным показателем научности дисциплины. У этой позиции, естественно, есть и будут серьезные оппоненты, считающие знание, не подкрепленное строгими теориями, формулами и наблюдениями, ничуть не менее научным. Не случайно и в социологии укрепляются позиции представителей качественных методов.

Историки научились мыслить социологически

Я собираюсь говорить об исторической науке XXI века, но начать мне придется с 1960-х гг., оптимальной точки отсчета для того, чтобы показать эволюцию и механизмы изменения исторической науки. Это время, когда теории были большими, законы универсальными, методы точными. Во всяком случае, в той части историографии, которая считалась образцовой.

1960–1970-е гг. оказались необычайно динамичным периодом для социальной науки в целом и для истории в частности. Именно тогда для большинства историков не существовало дилеммы, должна ли история стать социальной наукой. В СССР вопрос так вообще не ставился, потому что единой для всех исследований объяснительной схемой был исторический материализм, развитая социальная теория. Даже принудительный и догматический, марксизм, тем не менее, учил мыслить социологически, хотя и в определенных пределах (очень многие проблемы и целые периоды с опорой на марксистскую теорию просто нельзя было объяснить). В западной исторической науке в середине прошлого столетия вообще утверждался «бравый, новый мир» (кстати, не без влияния марксистской теории и академического марксизма). Происходила немислимая прежде (да и после) сциентизация истории с опорой на структурно-функциональный анализ и системный подход. В экономической истории главными темами стали конъюнктурная динамика, экономические кризисы, экономический рост; в социологии – модернизация, миры-системы, стадии роста, культурная интерпретация, сетевые отношения, символическая власть, социальный капитал. В тот же период с небольшим лагом появились оригинальные микро-исторические исследования, смоделированные по образцу микро-экономических или микро-социологических теорий (символического интеракционизма Джорджа Герберта Мида и Герберта Блумера, символической власти Пьера Бурдьё, масштабов социального взаимодействия Фредерика Барта; сетевых взаимодействий Джорджа Хоманса и т.д.).

Представление о строгости исследования в то время отсылало к точным наукам и, соответственно, к математическим методам. Главным инструментом «онаучивания» истории с 1960-х гг. стала клиометрика. Вслед за экономической и социальной историей клиометрика нашла применение в демографической (нетто-коэффициент воспроизводства и вероятность выживания в самых разных регионах и в очень далекие времена), политической (серийная административная история

и регрессионная картография) и культурной истории (регрессионный анализ антропологических данных). Клиометрику приспособили даже к изучению ментальности: велись количественные исследования письменных источников, распространился контент-анализ. Пытаясь постичь скрытые в словах смыслы, отдельные историки овладели количественной семантикой. Многие представители исторической профессии в те десятилетия научились считать и потратили на это немалые усилия. Изучение прошлого, основанное на синтезе относительно строгой теории и точных методов, получило название «новой научной истории».

В середине прошлого века обратиться за теориями и методами можно было почти исключительно к экономике, социологии или демографии. Собственно, других дисциплинарных моделей и инструментов для переноса в мастерскую историка тогда и не было. Поэтому теоретичность истории преимущественно измерялась ее социологичностью. Рискну утверждать, что социологическими понятиями и концепциями мыслили в то время и экономические историки (теория модернизации, стадии роста, мира системы и др.). Мыслить социологически историки учились массово, хотя не стоит все же преувеличивать степень освоения социологических теорий. Многие историки научились мыслить социологически в том смысле, какой имел в виду Зигмунт Бауман: не знать социологию, а мыслить социологически (только не о повседневности, а о прошлом, но отчасти как о повседневности)⁵.

Структурирование предмета

Стойким результатом социологизации истории стало специфическое структурирование предмета, пришедшее из социальной истории и распространившееся на другие области. В итоге в современной историографии «по предмету» можно выделить следующие блоки:

- Социальные институты: школа, фирма, приход, армия, тюрьма, клиника, бордель и т.д. / детство, семья, старость, наука и т.д. (в принципе дальше от институтов можно производить группы и практики).
- Социальные группы: этносы, дети, молодежь, старики, профессии, женщины, прокаженные, безумные, преступники, субалтерны, маргиналы, меньшинства и т.д.
- Социальные практики: переговоры, игры, церемонии, труд, демонстрации, посиделки, чтение, разбой, доносы, наказания и все возможные др. интеракции.

Конечно, в небольших дозах в предшествующей историографии все уже присутствовало. Отсюда номинирование в качестве отцов-основателей «новой научной истории» Фернана Броделя, Марка Блока и Люсьена Февра и «открытия» в середине прошлого века Макса Вебера, Норберта Элиаса, Эрнста Канторовича и других предтеч.

---

⁵ *Bauman* 1990.

В целом, по моему мнению, историческая наука в 1960–1970-е годы вовсе не испытала «ледяных объятий научности» (Ханс-Ульрих Гумбрехт)⁶ – я бы назвала эти объятия энергичными. Свободное обращение к разным теориям и теоретическим конструкциям сделало возможной дальнейшую историческую специализацию и привело к появлению множества исторических субдисциплин. Благодаря активному освоению инструментария социальных наук история сегодня демонстрирует колоссальный потенциал развития в предметной области, в способах самовыражения, в освоении новых материалов, в умении извлекать радикально новую информацию из уже известных документов. Но очень скоро историкам пришлось учиться читать (Э. Ле Руа Ладюри), причем совсем иначе, чем они это делали несколько веков подряд. Кстати, «читать по-новому» с энтузиазмом научилось не только молодое поколение, но и ведущие представители старого.

Однако к 1980-м гг. «новая научная история» на самом деле *passé*. Многие тогда не заметили этого, да и 50 лет спустя далеко не все историки покинули хорошо распаханное поле (достаточно посмотреть список тем диссертаций по истории в современной России). Не случайно относительно недавние проводы Эрика Хобсбаума, Жака Ле Гоффа или Эдварда Томпсона стали столь знаковыми⁷. Как будто эпоха длилась до их ухода. А она давно закончилась, и ее представителей вполне можно наречь «шестидесятниками». Так же как в 70-е годы «новые научные историки» списали в архив старую политическую историю, историю идей и интеллектуальную историю, затем, обратившись к новациям культурной антропологии, *cultural studies* и *literary theory*, «новая культурная история», окруженная скороспелым множеством исторических субдисциплин, оттеснила царицу «научной историографии» – социальную историю. На западе «конец» новой научной истории зафиксировали в 1990-е и связали, прежде всего, с успехом (и опасностью) постмодернизма. В России в 1990-е годы новая научная история еще только утверждалась. Запоздалая фиксация радикального поворота в науке – феномен интересный и заслуживающий отдельных исследований сам по себе. Я здесь выскажу только пару соображений.

Почему трудно определить границу между «новой научной историей» и той, не имеющей единого обозначения и, по сути, отрицающей базовые принципы «шестидесятников», что пришла ей на смену?

Одна из важных причин состоит в том, что в исторической науке полвека работало поколение, которое и создало новую научную историю, более того, именно это поколение вошло в силу в 1990-е. Многие крупнейшие историки, начав в 1960-е, создали себе имена, приобрели

---

⁶ Гумбрехт 2006.

⁷ Foster 2014; McWilliam 2014.

репутации, основали и возглавили лучшие до сих пор журналы, поэтому эпоха в определенном смысле длилась.

Во-вторых, в представителях самого поколения изначально обнаружилась удивительная гибкость и открытость поискам нового. Не под влиянием *cultural studies* формируется новая культурная история, ее создает социальный историк Эдвард Палмер Томпсон. Фактически именно ведущие социальные историки еще в 1960-е обратились к изучению культуры, вдохновившись его книгой «Становление английского рабочего класса» (1963)⁸. Этот 800-страничный труд об обычаях и ритуалах, подметных письмах, рабочем фольклоре, сходках заговорщиков и питейных привычках английских рабочих конца XVIII – начала XIX в. произвел переворот в представлениях об источниках и интерпретациях среди специалистов по социальной истории. Повернувшись лицом к культурной истории, многие из них в дальнейшем оказались способными и мотивированными к целой серии междисциплинарных поворотов. Точно так же история детства, которая, безусловно, расцвела на базе феноменально разнообразных исследований детства в социальных науках, инициирована была еще в 1960 г. книгой Филиппа Арьеса «Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке»⁹.

Повороты или переворот?

Еще раз обращаю внимание на то, что смена теоретических оснований исторической науки начинается уже в 1970-е годы: от макро к микро, от причинности к случайности, от универсального к индивидуальному, от реального к релятивному, от дуалистических оппозиций (буржуазия/рабочие, аристократия/простонародье, город/деревня, модернизация/традиция) к изучению социальных траекторий, культурных обменов, множественных идентичностей. Новые веяния в итоге приводят к методологическому индивидуализму и у историков получают наименования пуантилизм, история в осколках, история-пэчворк и пр. Но ведь пересмотр базовых оснований происходил не только в истории. Эйфория по поводу возможности открытия и применения универсальных законов, все объясняющих теорий, достижения междисциплинарного синтеза, всеисилия математических методов и многих других универсальных отмычек поубавилась и в социальных науках. С 70-х годов прошлого века социальные науки все больше фокусируются на проблемах языка, культуры и знания, соответственно на их объяснении через механизмы коммуникации и интеракции. В этом отношении история отражала общие тренды в развитии наук о человеке.

К тому же внимание историков переключилось с социологии на другие социальные и гуманитарные дисциплины (антропологию, семи-

---

⁸ *Thompson* 1980.

⁹ *Арьес* 1999 [1960].

отику, cultural studies, memory studies, urban studies, media studies, digital studies, и пр.). Под влиянием культурного и лингвистического «поворотов»¹⁰ историки узнали о семантических, социальных и политических конструкциях и, овладев техниками деконструкции, научились «серьезно относиться к языку». Если произошедшие перемены повлекли падение интереса к массовым источникам, особенно статистическим, заметное охлаждение к использованию математических методов и отход от структурного анализа, то «стратегия присвоения» моделей и теорий социальных наук оказалась устойчивой и востребованной.

В итоге изменилось отношение к теоретическим моделям, шире – к научности истории, и к системе аргументации: стандарты строгого научного изложения значительно ослабли. При этом теоретического обновления истории, сколько-нибудь сопоставимого даже с любым из десятилетий второй половины XX в., в наступившем столетии не происходило – ни на уровне внедрения новых «сильных» концепций, ни в сфере теоретической рефлексии. Развернутое обоснование этого тезиса содержится в статье «Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт»¹¹, но сегодня у меня уже есть новые наблюдения. Вытекающие из них заключения не опровергают прежние выводы, но они, как мне кажется, более тонкие. Самая наглядная модель для сравнения – лексикон историков, считавших себя современными полвека назад и в настоящее время (не забудем, что всегда есть и достаточно много старомодных историков, и их словарь меняется намного медленнее).

Основные понятия

В 1960–1970-е гг. опорными понятиями исторических трудов были: общество, прогресс, процесс, эволюция, детерминизм, рост, традиция, модернизация (и производные от нее), конструкция, структура, модель, порядок, механизм, конфликт, класс, парадигма, циклы, кризис, стадии, культура, личность и т.д.

С 1980-х утверждается существующий поныне новый словарь понятий: культура, парадигма, дисциплинирование, эпистема, трансфер, идентичность, коммуникация, ритуал, дискурс, деконструкция, случайность (контингентность), выбор, гендер, субалтерн, гибридность, метисизация, расизация, лиминальность, граница, пограничье, agency, reciprocity, mediation, participation, negotiation и т.д.

Последние четыре понятия даже нет смысла переводить – используется калька. Все эти новые конструкты (кстати, тоже новое слово) остаются в словаре исторической науки до сих пор, хотя какие-то важные возвращаются, например, *эволюция* (через науки о человеке, ориентированные сегодня на науки о природе) и *кризис*.

---

¹⁰ Clark 2004.

¹¹ Савельева 2012.

Понятия первого блока существовали больше века, некоторые и на века дольше. И вот появляется новый лексикон (почти не пересекающийся со старым), он утверждается, и большинство из нас его осваивают. Если не сработает закон «ускорения социального времени», то на нем мы будем говорить еще лет 100. Конечно, это социальные понятия, а не просто теоретические, т.е. они отражают важные общественные процессы, появление новых групп интересов. Такой словарь предполагает радикальное изменение объяснительных моделей, с помощью этих слов мы не можем конструировать прошлое по старым лекалам. Но ведь эти термины не историки изобрели, они заимствованы в основном из новых социальных наук. Новая терминология связана не только с объяснительными схемами, пришедшими извне, но и с появлением новых историков. Визуальная и перформативная история, устная история, история повседневности и другие исторические субдисциплины ввели в оборот историка источники, уже освоенные культурной антропологией, *visual studies*, *cultural studies* и т.д. Именно новые социальные науки выработали вопросники к этим источникам и язык их описания.

Подчеркну еще один важный момент: в новом лексиконе очень много социологических терминов, т.е. отказ от словаря понятий, связанного с классовыми теориями и теориями социального контроля, в пользу таких категорий как ‘идентичность’, ‘гендер’, ‘субалтерн’, ‘социальная иерархия’, ‘воображаемые сообщества’ ‘agency’, ‘resiprosity’, mediation, ‘participation’, ‘negotiation’ автоматически не означает сужения социологического горизонта в изучении прошлого. Но дело в том, что новые категории, вошедшие в лексикон современного историка, чаще всего были заимствованы историками из новых социальных наук без обращения к социологии, т.е. уже переинтерпретированными, часто в постмодернистском духе¹².

Фрагментация предметного поля

Союз историков с экономикой и социологией, возникший в 1960-е годы, стал матрицей для последующих междисциплинарных альянсов, в изобилии заключаемых в исторической науке. Процесс создания таких союзов пошел по экспоненте, тем более что социальные науки с 1970-х гг. стали плодиться и размножаться (медиа исследования, человеческая география, международные отношения, лингвистика, медиа, социальная работа, исследования образования, урбанистика, *cultural studies*, *internet studies* и др.). Кстати, все они самоидентифицировались как *социальные науки*, что само по себе свидетельствует об устремленности к вхождению именно в корпус социальных наук, соответственно, о теоретических и методических претензиях на «hard» science. Хотя, как легко догадаться, представители многих из них полагаются пре-

---

¹² Savelieva 2015.

имущественно, а порой и исключительно, на интерпретативные методы, что сильно облегчает жизнь историку.

В этих обстоятельствах историки подпитывались самыми разными теоретическими наработками и смогли изучать буквально все, что воображение позволяет разместить между любыми полюсами: от всемирной истории бактерий до истории запахов, от глобальной истории идей до практик чтения в отдельной европейской деревне, от эволюционных эпосов «большой истории» до «истории одного дня». Фрагментация предмета основывалась на обращении к самым разным социальным наукам или хотя бы на общей информированности о происходящем за границами собственной дисциплины. Подобно тому, как в 1960–1970-е гг. возникли социальная интеллектуальная история, социальная история понятий, социальная история детства, социальная история женщин; на следующей волне появляются культурная история идей, культурная интеллектуальная история, культурная история детства, культурная история женщин; теперь наступает глобальная и постколониальная история всего сущего, может, если обратить внимание на то, как активизировались контакты наук о человеке с науками о природе, настать черед и естественной истории.

Часто к наработкам разных социальных наук обращаются одни и те же специалисты, и, что важно, среди них изначально оказались самые последовательные адепты социальной истории. Показателен, например, список книг одного из основателей социальной истории, автора и составителя более 100 монографий, создателя и бессменного редактора *Journal of Social History* с 1967 до 2015 г. Питера Стирнза.

Книги Питера Стирнза (выборка из списка публикаций с 2000 г.):

- *Sexuality in World History*, 2nd ed. (2017);
- *A History of Shame* (2017);
- *Globalization in World History*, 2nd ed. (2016);
- *The Industrial Turn in World History* (2016);
- *Childhood in World History*, 3rd ed. (2016);
- *The Civil War in Global Perspective* (2015);
- *Gender in World History*, 3rd ed. (2015);
- *Debating the Industrial Revolution* (2015);
- *Guiding the American University: Challenges and Choices* (2015);
- *Peace in World History* (2014);
- *Doing Emotions History* (2013);
- *Demilitarization in the Contemporary World* (2013);
- *Satisfaction Not Guaranteed: Dilemmas of Progress in Modern Society* (2012);
- *Globalization in World History* (2010);
- *Educating Global Citizens in Colleges and Universities: Challenges and Opportunities* (2009);

- From Alienation to Addiction: The History of American Work in Global Context (2008);
- Revolutions in Sorrow: American Death Experience and Policy in Global Context (2007);
- American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety (2006);
- Anxious Parents: a 20th Century History (2003);
- Fat History (2002)¹³

В 2000-е гг. книг по социальной истории в списке Стирнза почти не осталось, хотя часть интересующих его направлений от социальной истории когда-то отпочковались (история детства, история гендера).

Примечателен и список работ известного медиевиста Жака Ле Гоффа, одного из ведущих представителей школы Анналов и, соответственно, новой научной истории (*nouvelle histoire*)¹⁴.

Книги Жака Ле Гоффа с 2000 г.:

- Faut-il vraiment découper l'histoire en tranches?, éd. Seuil, 2014;
- La fin du village, éd. Gallimard, 2012;
- À la recherche du temps sacré, Jacques de Voragine et la Légende dorée, Paris, Perrin, coll. Pour l'histoire, 2011;
- Le Moyen Âge et l'argent : Essai d'anthropologie historique, Paris, Perrin, coll. « Pour l'Histoire », 2010;
- L'Europe expliquée aux jeunes, Seuil, 2007;
- Marchands et banquiers du Moyen Âge, Paris, PUF, coll. « Que sais-je? », 2006;
- Héros et merveilles du Moyen Âge, Seuil, 2005;
- Un long Moyen Âge, Paris, Tallandier, 2004;
- Héros du Moyen Âge, Le roi, le saint, au Moyen Âge, Gallimard Quarto, 2004;
- Entretien avec Pierre Soulages à propos des vitraux de Conques (préface de Xavier Kawa-Topor, photographies Pascal Piskiewicz). Toulouse, 2003. Le Pérégrinateur Éditeur
- À la recherche du Moyen Âge, Louis Audibert, 2003;
- Une histoire du corps au Moyen Âge (avec Nicolas Truong), Liana Lévi, 2003;
- Le Dieu du Moyen Âge, Bayard, 2003;
- L'Europe est-elle née au Moyen Âge?, Seuil, 2003;
- Cinq personnages d'hier pour aujourd'hui : Bouddha, Abélard, saint François, Michelet, Bloch, La Fabrique, 2001;
- Le Sacre royal à l'époque de Saint-Louis, Gallimard, 2001;
- Un Moyen Âge en images, Hazan, 2000;
- Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval (en collaboration avec Jean-Claude Schmitt), Fayard, 1999;
- Saint François d'Assise, Gallimard, collection « à voix haute », 1999 (CD);
- *Un Autre Moyen Âge*, Paris, Gallimard, coll. « Quarto », 1999;
- Le Moyen Âge aujourd'hui, Léopard d'Or, 1998.

¹³ <http://historyarthistory.gmu.edu/people/pstearns>

¹⁴ La nouvelle histoire 1978.

Мы видим, что, оставаясь преимущественно в пределах медиевистики, но производя и обобщающие работы, прежде всего по периодизации истории, Ле Гофф активно перемещался по наделам прошлого между историей воображаемого и историей жестов, историей тела и историей еды, священного и мирского, пространства и времени.

Ключевые слова

Еще более интересная особенность исторической науки в XXI в. – констелляции понятий и подходов разных дисциплин в одной работе. Увидеть такую особенность можно, анализируя наборы ключевых слов в статьях исторических журналов. Несмотря на то, что журналы, как правило, специализированы на субдисциплине, проблеме, регионе и/или периоде, публикации отсылают к самым разным областям социального знания. В качестве примера приведу вполне репрезентативный номер *Journal of Social History* (Fall 2011, Vol. 45 Issue 1.) Обращает на себя внимание не просто тематическое разнообразие, присутствующее даже в названиях статей, но и отсылки к разным дисциплинарным полям, эксплицитно присутствующие в наборах ключевых слов.

Содержание *Journal of Social History* (Fall 2011, Vol. 45, Issue 1.)

1. MALIN, BRENTON J. Electrifying Speeches: Emotional Control and the Technological Aesthetic of the Voice in the Early 20th Century US. P. 1–19.

Ключевые слова: PUBLIC speaking; METHODOLOGY; SPEECH – Study & teaching; ELOCUTION; RADIO – Social aspects; RADIO announcing; TECHNOLOGICAL innovations – Social aspects; SOCIAL history – 20th century; Independent Artists, Writers, and Performers; Independent actors, comedians and performers.

2. VARDI, ITAI. Auto Thrill Shows and Destruction Derbies, 1922–1965: Establishing the Cultural Logic of the Deliberate Car Crash in America. P. 20–46.

Ключевые слова: DEMOLITION derbies; AUTOMOBILES; HISTORY; AUTOMOBILE industry; CAPITALISM; AMUSEMENTS; TRAFFIC accidents; PRIVATIZATION; AUTOMOBILES – Collision damage; AUTOMOBILE safety; Automotive Body, Paint, and Interior Repair and Maintenance; All Other Automotive Repair and Maintenance; New Car Dealers; Automobile and Other Motor Vehicle Merchant Wholesalers; New and used automobile and light-duty truck merchant wholesalers; Automobile Manufacturing; Automobile and light-duty motor vehicle manufacturing; Motor Vehicle Body Manufacturing; UNITED STATES; ECONOMIC aspects; UNITED STATES – Social conditions – 20th century.

3. OLDSTONE-MOORE, CHRISTOPHER. Mustaches and Masculine Codes in Early Twentieth-Century America. P. 47–60.

Ключевые слова: MASCULINITY; HISTORY; MUSTACHES; SHAVING – Equipment & supplies; MARKETING; ADVERTISING & youth; SYMBOLISM; PRESIDENTS – United States; POPULAR culture; PUBLIC opinion; UNITED STATES; SOCIAL aspects; ELECTION; UNITED STATES – Social conditions – 20th century; DEWEY, Thomas E. (Thomas Edmund), 1902–1971; GABLE, Clark, 1901–1960.

4. SIGEL, LISA Z. Censorship in Inter-War Britain: Obscenity, Spectacle, and the Workings of the Liberal State. P. 61–83.

Ключевые слова: CENSORSHIP; HISTORY; OBSCENITY (Law); INTERWAR period (1918–1939); GOVERNMENT policy; HUMAN sexuality in literature; PUBLIC opinion; LAW – Great Britain – History; GREAT Britain. Home Office; GREAT Britain; SOCIAL aspects; GREAT Britain – Social conditions – 20th century; GREAT Britain – Politics & government – 20th century.

5. WOOD, GREGORY “Habits of Employees”: Smoking, Spies, and Shopfloor Culture at Hammermill Paper Company. P. 84–107.

Ключевые слова: SMOKING; BLUE collar workers; INDUSTRIAL management; EMPLOYEES; CONDUCT of life; INDUSTRIAL relations; HISTORY; HAMMERMILL Paper Co.; UNITED States; SOCIAL conditions; EMPLOYMENT.

6. SHINE, JACQUELINE. “Open to the People for Their Free Assembly”: Tompkins Square Park, 1850–1880. P. 108–124.

Ключевые слова: PARKS; PUBLIC spaces; HISTORY; INDUSTRIAL relations; IMMIGRANTS – United States; GERMAN Americans – History – 19th century; DEMONSTRATIONS (Collective behavior); National Security; NEW York (State); NEW York; UNITED States; SOCIAL conditions; NATIONAL Guard; NEW York (N.Y.); 19TH century.

7. KAISER, DANIEL H. Icons and Private Devotion among Eighteenth-Century Moscow Townsfolk. P. 125–147.

Ключевые слова: ICONS (Religious art); RELIGIOUS art; HISTORY; WORSHIP; CHRISTIAN art & symbolism – History; DEVOTION; SUPERNATURAL; RELIGION; PRIVATE collections; RUSSIA; RUSSIAN Orthodox Church; MOSCOW (Russia); MOSCOW (Russia) – Social conditions; 18TH century; MARY, Blessed Virgin, Saint – Devotion to.

8 FRENCH, KATHERINE L.. Rebuilding St. Margaret’s: Parish Involvement and Community Action in Late Medieval Westminster. P. 148–171.

Ключевые слова: PARISHES; COMMUNITIES; CHRISTIANITY; CHURCH buildings – Design & construction; ELITE (Social sciences); VOLUNTEERS; FUNERALS; FUNDRAISING; RITES & ceremonies; HISTORY; WESTMINSTER (London, England); Grant-making and giving services; Grantmaking Foundations; Commercial and Institutional Building Construction; GREAT Britain; RELIGIOUS aspects; MEDIEVAL period, 1066–1485.

9. CARON, JAMES. Reading the Power of Printed Orality in Afghanistan: Popular Pashto Literature as Historical Evidence and Public Intervention. P. 172–194.

Ключевые слова: PUSHTUNS; HISTORY; ETHNOLOGY; POETRY (Literary form); POWER (Social sciences); AFGHAN folk literature; AFGHANISTAN; AFGHANISTAN – Social life & customs; JAN, Malang.

10. TROTTI, MICHAEL A. The Scaffold’s Revival: Race and Public Execution in the South. P. 195–224.

Ключевые слова: PUBLIC executions; AFRICAN Americans; HISTORY; RITES & ceremonies; AFRICAN Americans – Social conditions; RACE relations; SOUTHERN States; UNITED States; 1865–1951; SOUTHERN States – Social conditions – 1865–1945; UNITED States – Religious life & customs.

На страницах одного выпуска ведущего международного журнала по социальной истории мы обнаруживаем поразительно широкий спектр проблем и субдисциплинарных подходов: влияние технологических практик на риторику публичной речи, её эмоциональный фон и

эстетику; производство, дизайн и ремонт автомобилей; история маскулинности, повседневности и маркетинга; символические практики; история цензуры; рабочая культура; история публичных пространств, индустриальные отношения (социальные термины, практики и институты); история искусства, религиозное сознание; история благотворительности; литературный критицизм и история чтения, история церемоний и обычаев. Мы видим, что социальная история в профильном издании сохраняется, но как же она преобразена и разбавлена массой других «историй» и маячащих за ними, в основном новых, социальных и гуманитарных концепций. В подобной широте тематики нет ничего исключительного. При внимательном чтении разных международных научно-исторических периодических журналов очевидно, что какой бы ни была специализация (глобальная история, культурная история, рабочая история), содержательно в них присутствует целый веер социальных и гуманитарных концептов.

История без границ

В последнее десятилетие социальные науки активно обращаются к таким дисциплинам как география, экология, биология, нейрология, антропология, и взаимодействие с ними образует новые междисциплинарные союзы и «повороты», среди которых пространственный поворот, эволюционная экономика, моральная география, социобиология (биологический или когнитивный поворот). Из всех трансформаций, происходящих сегодня на поле социальных дисциплин, наиболее актуальной для историков оказалась «специализация» социальных наук¹⁵. Новации в современной историографии связаны не только с происходящим переосмыслением фактора пространства или вызовами глобализации. Еще в 1970–1980-е гг. возникла и быстро набрала обороты постколониальная критика. Ее инспирировала знаменитая работа Эдварда Саида «Ориентализм» (1978) и исследования ученых, объединенных в группу Subaltern Studies Group (SSG)¹⁶, самый знаменитый из них – историк Дипеш Чакрабартти. Кстати, именно постколониальная история стала одним из мощных трансляторов нового словаря понятий в исторические исследования XXI века. Ее же усилиями были переопределены такие старые конструкты как «Запад» или «Восток», «Балканы», «Евразия», «Латинская Америка», «Тихоокеанский регион», «Атлантический мир» и др. В целом историческая глобалистика в самых разных

---

¹⁵ О специализации социальных наук см.: *Gieryn* 2000; *Löw* 2001; *Филиппов* 2003; *Massey* 2005; *Murdoch* 2006; *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives* 2009.

¹⁶ Подробнее см.: *Reading Subaltern Studies. Critical History...* 2001. Термин «субалтерн» отсылает к Антонио Грамши. Так он обозначил отдельного человека или группу, которым приписан низший статус из-за принадлежности к определенной расе, этносу, религии классу, гендеру, сообществам нетрадиционной сексуальной ориентации и пр.

вариантах (глобальная, пост/неоколониальная, транснациональная, интернациональная, история империй и др.)¹⁷ вышла на лидирующее место в исторических публикациях, особенно журнальных.

Необычайное разнообразие исторического пространства характеризует сегодня содержание всех ведущих исторических изданий. Из-за невозможности привести много примеров, предлагаю вполне репрезентативное *Оглавление* одного из недавних номеров *Journal of Social History* (июнь 2014, Vol. 47, Issue 4.) Это вовсе не спецвыпуск, однако обращает на себя внимание географическое разнообразие, присутствующее даже в названиях статей (курсив – *И.С.*).

- Andrews, George Reid. Racial Inequality in *Brazil and the United States*, 1990–2010.
- Pante, Michael D. Mobility and Modernity in the Urban Transport Systems of Colonial *Manila and Singapore*.
- Reilly, Benjamin. Mutawalladeenand Malaria: African Slavery in *Arabian Wadis*.
- Schermerhorn, Calvin. Capitalism's Captives: The Maritime United States Slave Trade, 1807–1850.
- Harris, Lashawn. The “Commonwealth of Virginia vs. Virginia Christian”: Southern Black Women, Crime & Punishment in Progressive Era *Virginia*.
- Foyster, Elisabeth. Prisoners Writing Home: The Functions of Their Letters c. 1680–1800. (*Britain – И.С.*).
- Sivaramakrishnan, Kavita. Aging and Dependency in an Independent *Indian* Nation: Migrant Families, Workers and Social Experts (1940–60).
- Brickell, Chris. Sensation and the Making of *New Zealand* Adolescence.
- Alexanderson, Kris. “A Dark State of Affairs”: Hajj Networks, Pan-Islamism, and *Dutch Colonial* Surveillance during the Interwar Period.
- Reay, Barry. The Transsexual Phenomenon: A Counter-History. (*US – И.С.*).
- Brodie, Marc. “You Could Not Get Any Person to be Trusted Except the State”: Poorer Workers' Loss of Faith in Voluntarism in Late 19th Century *Britain*.

Тенденция к «глобализации» прослеживается сегодня в поле практически любой исторической субдисциплины. Процветает глобальная экономическая история, начало которой положил еще Рондо Камерон¹⁸. Развивается социальная история (история миграций, контакты и трансферы между нациями и цивилизациями). Историки занимаются сравнительным анализом – *histoire croisée*, *entangled history*¹⁹. Только это не прежний сравнительный анализ как поиск «10 отличий», а исследование истории разнообразия. Появились и исследования взаимодействия

---

¹⁷ Reynolds 2000; Cowen 2001; Gentlemanly Capitalism, Imperialism and Global History 2002; Bentley, Ziegler 2003. The Global History Reader 2005; Mazlish 2006; Bulliet, Crossley, a.o. 2008; Crossley 2008; Sirinelli J.-F. 2011; Ионов 2015.

¹⁸ Cameron 1989; Clark 2007; Baten, Muschallik 2012; A History of the Global Economy: 1500 to the Present 2016; Marks 2016.

¹⁹ Cohen, O'Connor 2004; Werner and Zimmermann 2006.

между историческими знаниями (и наукой) на Западе и в остальной части мира²⁰. Утверждается глобальная интеллектуальная история, глобальная история науки и т.д. Правда, часто «глобализация» достигается механическим путем, но есть и очень интересные примеры исследований²¹. Задача таких исследований состоит в том, чтобы определить причины и истоки специфичности, отвечая на вопросы: объясняется ли она локализацией, социальной конфигурацией, историческим моментом или особенностями адаптации к привнесенным влияниям²².

В выпуске *History and Theory*, посвященном прогнозам развития истории Дэвид Кристиан предсказывает: «в следующие 50 лет мы увидим возвращение древней традиции “универсальной истории”»; но это будет новая форма универсальной истории, глобальной на деле и научной по духу и методу, вплоть до возможной интеграции исторической гуманитаристики с исторически ориентированными естественными науками, включая космологию, геологию и биологию»²³.

Выводы

Историки за последние годы узнали много нового, радикально переосмыслили уже известную информацию, освоили ранее неизвестные им техники и языки исследования – масштаб сделанного поражает. Спрос на социальную теорию у историков определенно остался, но социология как источник опорных теорий обеспечивает его минимально. В поле зрения историков попали многие другие социальные дисциплины. В отличие от социологии они менее строгие, хотя и называют себя социальными. После 1970-х гг. социологов потеснили классики культурной и социальной антропологии, потом представители перформативного поворота, постколониальной критики. В итоге эволюция исторической науки далеко вышла за пределы, заданные сциентизацией дисциплины в духе 1960–1970-х.

При оценке ‘социальности’ истории необходимо учитывать изменения в междисциплинарном поле. Проведенное исследование показывает, что отказ от структурализма, функционализма, эволюционизма, детерминизма, монизма сопровождался поверхностным и часто «из вторых рук» освоением новых социологических подходов и концептуального аппарата, что радикально трансформировало теоретический арсенал истории и ее дисциплинарный лексикон. Даже социологическая классика – этнометодология, интеракционизм, аналитический дуализм – очень соответствующая ориентации современных историков на индивидуальное и случайное, не говоря уже о «третьей волне» истори-

---

²⁰ Osterhammel 2005; A Global History of Modern Historiography 2008.

²¹ В области интеллектуальной истории см.: Rethinking Modern European Intellectual History 2014.

²² Charle 2003. P. 64.

²³ Christian 2010. P. 6.

ческой социологии в США, практически не представлены на страницах исторических работ. Из социологов конца XX в. в арсенале историков остается Пьер Бурдьё, (эпизодически Люк Болтански и Лоран Тевено с теорией социологии градов); ранняя классика представлена ритуальными ссылками на Карла Маркса, Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма, а история памяти редко обходится без оммажа Морису Хальбваксу.

Отношение к теоретическим моделям, и шире – к научности истории, изменилось. Ответственность высказываний снизилась. Стандарты строгого научного изложения значительно ослабли. Язык исторических исследований на рубеже веков изменился, но с тех пор демонстрирует устойчивость. Предметное поле неизмеримо расширилось. Междисциплинарные союзы – эклектичные, обычной стала практика объединения разных теорий, концептов и понятий в одном исследовании. Для многих историков характерно свободное скольжение в поле субдисциплин, и такая свобода облегчается вольным отношением к теоретическим заимствованиям. Приверженность к строгости аргументации сохраняется в основном в экономической истории, а также в истории научных сообществ, истории профессий, истории образования – областях, динамично развивающихся в последние десятилетия²⁴.

В целом, возвращаясь к поставленной в данной работе задаче проанализировать новые обстоятельства «социальности» исторической науки, следует признать, что она достаточно ‘социальна’ и отражает state of arts современных социальных наук.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гумбрехт Х.У.* Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 7–17.
- Ионов И.Н.* Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание. М.: Аквилон. 2015.
- Науки о человеке: история дисциплин / Ред. И.М. Савельева, А.Н. Дмитриев. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2015.
- Пост Р.* Дискуссии о дисциплинарности // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 107–122.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ. 2011.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры. 1997.
- Савельева И.М.* Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 25–53.
- Савельева И. М.* Социальная история в XXI веке: диагностика исследовательского поля // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 157–169.

---

²⁴ Подробно об истории наук о человеке см.: Науки о человеке: история дисциплин 2015; *Ridley* 2015. См. также краткую выборку современных работ по истории социологии: *Bloom* 2002; *Sociology in America* 2007; *Halsey* 2004; *Steinmetz* 2009; *Nash* 2010; историографию современных социальных наук – в кн.: *A Historiography of the Modern Social Sciences* 2014. По истории профессий см.: *Torstendahl* 2015.

- Филитов А.Ф.* Теоретические основания социологии пространства. М.: Канон-Пресс, 2003.
- A *Historiography of the Modern Social Sciences* / Eds. R. E. Backhouse, Ph. Fontaine. Cambridge: Cambridge University Press. 2014.
- A *History of the Global Economy: 1500 to the Present* / Ed. J. Baten. Cambridge: CUP, 2016.
- A *Global History of Modern Historiography* / Eds. G.G. Iggers, Q. Edward Wang (with contributions from Supriya Mukhejee). Longman: Pearson Education Ltd, 2008.
- Ariès Ph.* L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Plon, 1960.
- Bauman Z.* Thinking sociologically. Oxford: Basil Blackwell. 1990.
- Bentley J.H., Ziegler H.F.* Traditions and Encounters: A Global Perspective on the Past. Boston: McGraw-Hill, 2003.
- Bloom S.W.* The Word as Scalpel: A History of Medical Sociology. Oxford University Press 2002.
- Bulliet R.W., Crossley P.K., Headrick D.R., Johnson L.L.* The Earth and its Peoples: a Global History. Boston: Houghton Mifflin Company, 2008.
- Cameron R.* A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. New York: Oxford University Press. 1989.
- Charle Ch.* Contemporary French Social History: Crisis or Hidden Renewal? // *Journal of Social History*. 2003. Vol. 37. No. 1. Pp. 57–68.
- Clark E. A.* History, Theory, Text: Historians and the Linguistic Turn. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2004.
- Christian D.* The Return of Universal History // *History and Theory*. Special Issue: History and Theory: The Next Fifty Years. 2010. Vol. 49, Issue 4. Pp. 6–27.
- Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective* / Eds. D Cohen, M. O'Connor. New York: Routledge, 2004.
- Cowen N.* Global History: A Short Overview. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Crossley P.K.* What is Global History? Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2008.
- Eley G.A.* Crooked Line: From Cultural History to the History of Society. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan, 2005.
- Foster J.* Eric Hobsbawm, Marxism and Social History // *Social History*. 2014. Vol. 39. No. 2. Pp. 160–171.
- Gentlemanly Capitalism, Imperialism and Global History* / Ed. A. Shigeru. New York: Palgrave Macmillan, 2002.
- Gieryn T.F.* A Space for Place in Sociology // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26, Issue 1. Pp. 463–496.
- Halsey A.H.* A History of Sociology in Britain: Science, Literature, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Harlaftis G.* The New Ways of History: Developments in Historiography. New York: Tauris Academic Studies, 2010.
- Joyce P.* What is the Social in Social History? // *Past and Present*. 2010. Vol. 206. No 1. Pp. 213–248.
- La nouvelle histoire* / Eds. R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel. Paris: Retz/CEPL, 1978.
- Lloyd G.* Disciplines in the Making: Cross-cultural Perspectives on Elites, Learning and Innovation. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Löw M.* Raumsoziologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001.
- Makkreel R., Luft, S.* Dilthey and the Neo-Kantians: The Dispute over the Status of the Human and Cultural Sciences / Ed. D. Moyer. The Routledge Companion to Nineteenth Century Philosophy. London: Routledge. 2010. P. 554–597.
- Marks S.G.* The Information Nexus: Global Capitalism from the Renaissance to the Present. New York: Cambridge University Press, 2016.
- Massey D.* For Space. London: Sage, 2005.
- Mazlish B.* The New Global History. London: Routledge, 2006.
- McWilliam R.* Back to the Future: E.P. Thompson, Eric Hobsbawm and the Remaking of Nineteenth-century British History // *Social History*. 2014. Vol. 39, No. 2. Pp. 149–159.
- Murdoch J.* Post-Structuralist Geography: a Guide to Relational Space. London: Sage, 2006.
- Nash K.* Contemporary Political Sociology: Globalization, Politics, and Power. London: Wiley-Blackwell Publishers, 2010.

- Qu'est-ce qu'une discipline? / Eds. J. Boutier, J.-C. Passeron and J. Revel. P.: Éd. Gallimard. 2006.
- Osterhammel J. and Peterson N. P.* Globalization: A Short History. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2005.
- Reading Subaltern Studies. Critical History, Contested Meaning and the Globalization of South Asia / Ed. D. Ludden. London: Anthem Press. 2001.
- Rethinking Modern European Intellectual History / Eds. D. M. McMahon and S. Moyn. Oxford: Oxford University Press 2014.
- Reynolds D.* One World Divisible: a Global History. London: Allen Lane. 2000.
- Ridley M.* The Evolution of Everything: How New Ideas Emerge. New York: Harper Collins, 2015.
- Sawelliewa I.* Why Humanities Did Not Become Social Sciences: Flexibility and Resistibility // Imagine there were no humanities... Transdisciplinary perspectives / Ines Ackermann, Katarzyna Chruszczewska, Ewa Róża Janion, Agnes Mate, Natalia Obukowicz editors. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. Pp. 59-67.
- Sirinelli J.-F.* L'histoire politique à l'heure du transnational turn: l'agora, la Cité, le monde... et le temps, Revue historique. 2011. № 2. P. 391–408.
- Sociology in America. The ASA Centennial History / Ed. C. Calhoun. Chicago: University of Chicago Press. 2007.
- Steinmetz G.* Neo-Bourdieuian Theory and the Question of Scientific Autonomy: German Sociologists and Empire, 1890s-1940s // Political Power and Social Theory 2009. Vol. 20. Pp. 71-131.
- Steven M.* Humanities from Classics to Cultural Studies: Notes toward the History of an Idea // Daedalus. 2006. Vol. 135. № 2. R. 15–21.
- The Global History Reader / Eds. B. Mazlish, A. Iriye. London, New York: Routledge. 2004.
- The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / Eds. B. Warf and S. Arias. L.: Routledge. 2009.
- Torstendahl R.* The Rise and Propagation of Historical Professionalism. N.Y., L.: Routledge, 2015.
- Werner M. and Zimmermann B.* Beyond Comparison: Histoire Croisée and The Challenge of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45. Pp. 30–50.

REFERENCES

- A Historiography of the Modern Social Sciences / Eds. R. E. Backhouse, Ph. Fontaine. Cambridge: Cambridge University Press. 2014.
- A History of the Global Economy: 1500 to the Present / Ed. J. Baten. Cambridge: CUP, 2016.
- A Global History of Modern Historiography / Eds. G. G. Iggers, Q. Edward Wang (with contributions from Supriya Mukhejee). Longman: Pearson Education Ltd, 2008.
- Ariès Ph.* L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Plon. 1960.
- Bauman Z.* Thinking sociologically. Oxford: Basil Blackwell. 1990.
- Bentley J.H., Ziegler H.F.* Traditions and Encounters: A Global Perspective on the Past. Boston: McGraw-Hill. 2003.
- Bloom S.W.* The Word as Scalpel: A History of Medical Sociology. Oxford, 2002.
- Bulliet R.W., Crossley P.K., Headrick D.R., Johnson L.L.* The Earth and its Peoples: a Global History. Boston: Houghton Mifflin Company. 2008.
- Cameron R.* A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. New York: Oxford University Press. 1989.
- Charle Ch.* Contemporary French Social History: Crisis or Hidden Renewal? // Journal of Social History. 2003. Vol. 37. No. 1. Pp. 57–68.
- Christian D.* The Return of Universal History // History and Theory. Special Issue: History and Theory: The Next Fifty Years. 2010. Vol. 49, Issue 4. Pp. 6–27.
- Clark E. A.* History, Theory, Text: Historians and the Linguistic Turn. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2004.
- Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective / Eds. D Cohen, M. O'Connor. New York: Routledge. 2004.
- Cowan N.* Global History: A Short Overview. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2001.
- Crossley P.K.* What is Global History? Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2008.
- Eley G. A.* Crooked Line: From Cultural History to the History of Society. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan. 2005.

- Foster J.* Eric Hobsbawm, Marxism and Social History // Social History 2014. Vol. 39. No. 2. Pp. 160–171.
- Gentlemanly Capitalism, Imperialism and Global History / Ed. A. Shigeru. New York: Palgrave Macmillan. 2002.
- Gieryn T. F.* A Space for Place in Sociology // Annual Review of Sociology, 2000. Vol. 26, Issue 1. Pp. 463–496.
- Halsey A. H.* A History of Sociology in Britain: Science, Literature, and Society. Oxford: Oxford University Press 2004.
- Harlaftis G.* The New Ways of History: Developments in Historiography. New York: Tauris Academic Studies. 2010.
- Joyce P.* What is the Social in Social History? // Past and Present. 2010. Vol. 206. No. 1. Pp. 213–248.
- La nouvelle histoire / Eds. R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel. Paris: Retz/CEPL. 1978.
- Lloyd G.* Disciplines in the Making: Cross-cultural Perspectives on Elites, Learning and Innovation. Oxford: Oxford University Press. 2009.
- Löw M.* Raumsoziologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 2001.
- Makkreel R., Luft, S.* Dilthey and the Neo-Kantians: The Dispute over the Status of the Human and Cultural Sciences / Ed. D. Moyer. The Routledge Companion to Nineteenth Century Philosophy. London: Routledge. 2010. P. 554–597.
- Marks S. G.* The Information Nexus: Global Capitalism from the Renaissance to the Present. New York: Cambridge University Press, 2016.
- Massey D.* For Space. London: Sage. 2005.
- Mazlish B.* The New Global History. London: Routledge. 2006.
- McWilliam R.* Back to the Future: E. P. Thompson, Eric Hobsbawm and the Remaking of Nineteenth-century British History // Social History. 2014. Vol. 39, No 2. Pp. 149–159.
- Murdoch J.* Post-Structuralist Geography: a Guide to Relational Space. London: Sage. 2006.
- Nash K.* Contemporary Political Sociology: Globalization, Politics, and Power. London: Wiley-Blackwell Publishers. 2010.
- Qu'est-ce qu'une discipline? /Jean Boutier, Jean-Claude Passeron and Jacques Revel. Paris: Éditions Gallimard. 2006.
- Osterhammel J. and Peterson N. P.* Globalization: A Short History. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2005.
- Reading Subaltern Studies. Critical History, Contested Meaning and the Globalization of South Asia / Ed. D. Ludden. London: Anthem Press. 2001.
- Rethinking Modern European Intellectual History / Eds. D. M. McMahon and S. Moyn. Oxford: Oxford University Press 2014.
- Reynolds D.* One World Divisible: a Global History. London: Allen Lane. 2000.
- Ridley M.* The Evolution of Everything: How New Ideas Emerge. 2015. New York: Harper-Collins.
- Saweliewa I.* Why Humanities Did Not Become Social Sciences: Flexibility and Resistibility // Imagine there were no humanities... Transdisciplinary perspectives / Ines Ackermann, Katarzyna Chruszczewska, Ewa Róża Janion, Agnes Mate, Natalia Obukowicz editors. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. Pp. 59–67.
- Sirinelli J.-F.* L'histoire politique à l'heure du transnational turn: l'agora, la Cité, le monde et le temps, Revue historique. 2011. №2. P. 391–408.
- The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / Eds. B. Warf and S. Arias. London: Routledge. 2009.
- Sociology in America. The ASA Centennial History / Ed. C. Calhoun. Chicago: University of Chicago Press. 2007.
- Steinmetz G.* Neo-Bourdieuian Theory and the Question of Scientific Autonomy: German Sociologists and Empire, 1890s-1940s // Political Power and Social Theory 2009. Vol. 20. Pp. 71-131.
- Steven M.* Humanities from Classics to Cultural Studies: Notes toward the History of an Idea // Daedalus. 2006. Vol. 135, № 2. R. 15–21.
- The Global History Reader / Eds. B. Mazlish, A. Iriye. London, New York: Routledge. 2004.

- Torstendahl R.* The Rise and Propagation of Historical Professionalism. N.Y., L.: Routledge, 2015.
- Werner M. and Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and The Challenge Of Reflexivity // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. Pp. 30–50.
- Gumbrecht H.U.* Ledyanye ob'yatiya "nauchnosti", ili Pochemu gumanitarnym naukam predpochtitel'nee byt' "Humanities and Arts" // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2006. No. 81. S. 7–17.
- Ionov I.N.* Mirovaya istoriya v global'nyj vek: novoe istoricheskoe soznanie. M.: Akvilon. 2015.
- Nauki o cheloveke: istoriya disciplin / Red.: I. M. Saveleva, A. N. Dmitriev. Moskva: Izdatelskij dom NIU VSHe. 2015.
- Post R.* Diskussii o disciplinarnosti // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. №107. S.107–122.
- Repina L.P.* Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011.
- Savelieva I.M., Poletaev A.V.* Istorija i vremja: v poiskah utrachennogo. M.: Jazyki russkoj kul'tury. 1997.
- Savelieva I.M.* Istoricheskie issledovaniya v XXI veke: teoreticheskij frontir // *Dialog so vremenem*. 2012. Vyp. 38. S. 25–53.
- Savelieva I.M.* Sotsial'naya istoriya v XXI veke: diagnostika issledovatel'skogo polya // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2016, N1. S. 157-169.
- Filippov A.F.* Teoreticheskie osnovaniya sociologii prostranstva. M.: Kanon-Press-C, 2003.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, ординарный профессор Школы исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); *isavelieva@yandex.ru*

History in the 21st century. Key Words

This article summarizes manifesting trends that develop in historical discipline in the 21st century: new research topics, transformation of lexicon, main categories and interdisciplinary alliances. The author demonstrates that in the past few decades standards of the stern scientific approach established in 1960s by the new scientific history considerably deteriorated while the subject area has broadened enormously. The attitude of historians towards theoretical models has changed. The requirement for accuracy of scientific statements declined and, as a result, the eclectic merging of different theories, concepts and ideas in the same research has become a common practice. The disciplinary language of contemporary historian has changed significantly as well. These changes might be explained by paradigm shifting and influence of new social sciences: cultural studies, memory studies, urban studies, media studies, cinema studies, digital studies, semiotics and others. To sum up, contemporary historical science reflects the state of social sciences.

Keywords: theory, scientization, lexicon, research areas, subjects, sociology, new social sciences, interdisciplinary alliances, globalization of history

Irina Savelieva, DSc. (History), tenured professor School of History, director of the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, the National Research University Higher School of Economics (Moscow), Russian Federation, visiting professor, Faculty of Artes Liberales University of Warsaw; *isavelieva@yandex.ru*